

В.В. Маяковский.

Где взять? Я неуч. Я должен пройти серьезную школу... Что я могу противопоставить навалившейся на меня эстетике старья? Разве революция не потребует от меня серьезной школы?... Думалось – стихов писать не могу. Опыты плачевные. Взятся за живопись”.

В 1910 году Маяковский начал учиться у художника-пейзажиста Жуковского. “Вместе с какими-то дамоч-

ко мне такого грандиозного и незаслуженного эпитета обрадовало меня. Я весь ушел в стихи. В этот вечер совершенно неожиданно я стал поэтом”. Маяковский перестал учиться на живописца, но художнических навыков, как писал Брик, не бросал: “Он любил рисовать портреты... рисовал всех своих знакомых, просто так, из любви к искусству, а для заработка рисовал карикатуры в юмористических журна-

боты с Буниным и Розановым... Но портрет Маяковского Репин так и не написал. Приготовил холст у себя в мастерской, выбрал подходящие кисти и краски и все повторял Маяковскому, что хочет запечатлеть его “вдохновенные волосы”. В назначенный час Маяковский явился, но... бритым наголо. Репин был безутешен: “Я хотел изобразить вас народным трибуном, а вы...”

После революции, пишет Осип Брик, Маяковский стал рисовать обложки, плакаты, театральные костюмы и декорации для книг и пьес. К чистой живописи он уже никогда больше не возвращался. “Окна сатиры РОСТА” раскололи художественный мир на “чистовиков” и “производственников” – тех, кто, забросив свои холсты и палитры, взялся за плакаты, за вывески, за рекламу и не в ателье, а на улице развешивали свои произведения. Они следовали “Приказу № 2 армии искусств”, написанному Маяковским:

“Дайте новое искусство!” – призывал Владимир Маяковский в известном стихотворении “Приказ № 2 армии искусств”. “Хочу делать социалистическое искусство”, – писал он в автобиографии “Я сам”. И сам создавал это новое, социалистическое искусство. Причем начав не с поэзии, а с живописи – именно талант художника стал проявляться у Маяковского с самого раннего детства. 19 июля отмечается очередная годовщина со дня рождения поэта, драматурга, актера и художника Владимира Владимировича Маяковского (1893–1930).

Как художник

Владимир Маяковский стал поэтом

О ранних опытах будущего художника рассказывали его старшая сестра Людмила и мать Александра Алексеевна. По их словам, которые приводятся в книге “Маяковский-плакатист” (1940), ему был абсолютно несвойственен интерес к пейзажной живописи, подлинной стихией молодого художника был портрет. Но уже в самых ранних его зарисовках портретные черты заострились, доводились до сатиры и шаржа. В одном из первых шаржей Маяковского изображен сам автор – 10-летний силач, справлявшийся с шестью стульями сразу.

Учиться живописи Маяковский начал еще в грузинском городе Кутаиси у художника Краснухи, окончившего в свое время с золотой медалью императорскую Академию художеств. Когда в 1906 году после смерти отца Маяковские переехали в Москву, Владимир использовал свои “рисовальные способности”, чтобы материально поддержать мать и сестер. “Денег в семье нет. Пришлось выжигать и рисовать. Особенно запомнились пасхальные яйца. Круглые, вертятся и скрипят, как двери. Яйца продавал в кустарный магазин на Неглинной. Штука 10–15 коп. С тех пор бесконечно ненавижу Бемов, русский стиль и кустарщину”, – писал Владимир Маяковский в автобиографии “Я сам”, которая опубликована в прижизненном издании его сочинений “255 страниц Маяковского” (1923).

В Москве художник познакомился с революционно настроенными студентами, начал увлекаться марксистской литературой, в 1908 году вступил в РСДРП. В социал-демократическом кружке 3-й Московской гимназии, издававшем рукописный журнал “Порыв”, Маяковский всегда видел с карандашом и альбомом в руках. Его трижды арестовывали, но и в тюрьме он не переставал рисовать. Как рассказывается в книге “Маяковский-плакатист”, “в так называемом “Мясницком доме” (арестантском помещении на Мясницкой) Маяковский испещрил карикатурными набросками весь альбом, расправившись этим своеобразным способом с ненавистными ему служителями тюрьмы. Аналогичную деятельность развернул Маяковский, сидя в Суцневской полицейской части, куда ему пересылались сестрой не только бумага и краски, но и разные труды по истории живописи”.

Отсидев в одиночной камере Бутырской тюрьмы 11 месяцев, Маяковский, по его же словам, “вышел взбудораженный. Те, кого я прочел, – так называемые великие. Но до чего же нетрудно писать лучше их. У меня уже и сейчас правильное отношение к миру. Только нужен опыт в искусстве.

Лиля Брик.

ками, – вспоминал он, – писал серебряные сервизики. Через год догадался – учусь рукоделию. Пошел к Келину. Реалист. Хороший рисовальщик. Лучший учитель. Твердый. Меняющийся. Требование – мастерство, Гольбейн. Терпеть не могущий красивенькое”. Эта характеристика, данная учителю, ясно указывает, что именно привлекало Маяковского в искусстве и с каким презрением он относился ко всему “красивенькому”, стилизованному.

Единственное училище, куда Маяковскому удалось поступить “без свидетельства о благонадежности”, было Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Первое время он добросовестно копировал головы, торсы и натюрморты. Но, по его выражению, “ревинстинктом” поглядывал в сторону дерзких новаторов – Ларионова, Машкова. В группу футуристов входили также Гончарова, Кульбин, Бурлюк, Розанова и другие, и, как писал один из теоретиков русского авангарда Осип Брик в предисловии к книге “Владимир Маяковский”, вполне вероятно, что к этим художникам прибавился бы еще один художник-новатор – Владимир Маяковский, если бы не обнаружилось одно неожиданное обстоятельство.

Об этом Маяковский рассказывал так: “Днем у меня вышло стихотворение, вернее – куски. Плохие. Нигде не напечатанные. Ночь. Сретенский бульвар. Читаю стихи Бурлюку. Прибавляю: это один мой знакомый. Давид остановился, осмотрел меня, рявкнул: “Да это ж Вы сами написали, да Вы ж гениальный поэт”. Применение

лаха”. Маяковский умел работать карандашом, тушью, маслом, акварелью, углем и даже окурками или горелыми спичками, если под рукой не было ничего подходящего.

В 1915 году Корней Чуковский отважился познакомить Маяковского с Ильей Репиным, который с “огненной ненавистью относился к той группе художников, которую он называл “футурней”. Эту встречу Чуковский описал в своей книге “Репин. Горький. Маяковский. Брюсов” (1940). “Очень изычно одетый, в белоснежном отложном воротничке, стариковски краси-

Илья Репин.

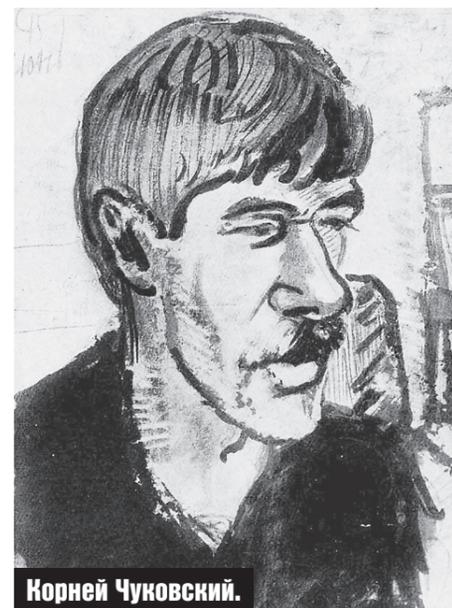
вый и благостный”, Репин чинно поздоровался и присоединился к слушателям Маяковского, декламирующего свои стихи. Неожиданно для всех с каждой минутой он “восхищался все жарче”: “Темперамент, какой темперамент!.. Уж вы на меня не сердитесь, но, честное слово, какой же вы, к чертям, футурист!” А увидев рисунки Маяковского (к этому времени тот был уже автором шаржей на Давида Бурлюка, Корнея Чуковского, Григория Гнесина, Петра Потемкина и многих других, в том числе и на себя), еще настойчивее высказал то же суждение: “Самый матерый реалист. От натуры ни на шаг, и... чертовски уловлен характер”.

По поводу же набросков Маяковского к портрету самого Репина воскликнул: “Какая схожесть! И какой (не сердитесь на меня!) реализм!” Репин даже предложил Маяковскому написать его портрет – честь, которой удостоивались немногие. Так, например, он наотрез отказался писать портрет Достоевского, долго уклонялся от ра-

“Довольно грошевых истин!
Из сердца старое вытри,
Улицы – наши кисти,
Площади – наши палитры”.

В предисловии к изданию “Грозный смех. Окна Роста” (1932) Маяковский вспоминал: “Отдыхов не было. Работали в огромной нетопленной, сводящей морозом (впоследствии – с выедающей глаза дымом буржуйкой) мастерской РОСТА. Придя домой, рисовал опять, а в случае особой срочности клал под голову, ложась спать, полено вместо подушки с тем расчетом, что на полене особенно не заспишься и, поспав ровно столько, сколько необходимо, вскочишь работать снова... Вне телеграфной, пулеметной быстроты – этой работы быть не могло. Но мы делали ее не только в полную силу и серьезность наших умений, но и революционизировали вкус, подымали квалификацию плакатного искусства, искусства агитации. Если есть вещь, именуемая в рисунке “революционный стиль”, – это стиль наших окон. Неслучайно, многие из этих работ, рассчитанные на день, пройдя Третьяковскую галерею, выставки Берлина и Парижа, стали через десятилетие вещами настоящего так называемого искусства”.

На портале Президентской библиотеки представлена коллекция

Корней Чуковский.

“В.В. Маяковский (1893–1930)”, в которую вошли цифровые копии документов и материалов о жизни и деятельности одного из крупнейших поэтов-новаторов, во многом определившего развитие поэзии XX века.

Татьяна НИКИТИНА,
пресс-служба
Президентской библиотеки.